

27.01.2004г.

ИСТОРИЯ - ЭТО ПОРОХ, который надо держать сухим

9 декабря 2003 года в актовом зале Института истории Академии наук Армении состоялась защита диссертации 39-летнего Армена Айвазяна. Тема докторской диссертации была хорошо известна специалистам-историкам, ибо еще за девять месяцев до ее защиты соискатель выпустил монографию "Армянская церковь на перепутьях армянского освободительного движения в XVIII веке". За это время не было ни одной отрицательной рецензии (был положительный отклик в газете "Тракан терт").

Правда, отношение к автору книги проявилось несколько по-другому. На Первый всемирный арменоведческий конгресс, в работе которого принимали участие ученые из десятков стран, не был приглашен Армен Айвазян, автор монографий "Армянское восстание в 1720-х гг. и угроза геноцидного подавления", "Урегулирование Карабахского конфликта и стратегическая безопасность Армении", "Освещение истории Армении в американской историографии (критический обзор)", "Кодекс чести армянского воинства (IV-V века)", "Родной язык и возникновение национализма (Сравнительный анализ армянских и европейских первоисточников)", "Основные элементы к доктрине национальной безопасности Армении", уже упомянутая "Армянская церковь на перепутьях армянского освободительного движения в XVIII веке" и других исследований, опубликованных на армянском, русском, английском языках. На Первый конгресс не был приглашен человек, который в самую тяжелую пору Карабахского противостояния представлял Армению в СБСЕ, принимал активное участие в переговорных процессах, выступал с лекциями по вопросам истории и международных отношений на английском и русском языках в университетах и институтах Сан-Франциско, Вашингтона, Сиракуз (шт. Нью-Йорк), Бостона, Лондона, Манчестера, Эдинбурга, Аберисвита, Москвы, Будапешта, Стокгольма, Упсалы, Афин. Логично, что на исключение Айвазяна из списка участников Конгресса, на этот вот, мягко выражаясь, нонсенс бурно реагировали армянские средства массовой информации. Нетрудно догадаться, что тучи над головой будущего соискателя ступились еще до того печально памятного (не только для диссертанта) дня. И немудрено, что диссертация, вернее ее защита, была провалена. Логичным было и то, что тотчас же после провала защиты докторской диссертации Армена Айвазяна появились отклики как в Армении, так и в Спюрке. Академик Академии наук Армении Георгий Тер-Степанян, ознакомившись с откликами в интернете, пишет из Канады: "Мне очень грустно, что мы, вместо того чтобы сплоченно

выступить против внешних врагов, заняты самоуничтожением". При этом 96-летний ученый подчеркивает: "Хотя я не могу также скрыть своей радости по поводу того, что в Армении живут и работают молодые ученые, не пытающиеся искать благосостояния или удачи на чужбине, а готовые сносить моральные и материальные лишения ради служения своим идеалам". Среди большого количества откликов, опубликованных в различных газетах, было и письмо, подписанное Сосом Саркисяном, Левонем Ананяном, Перчем Зейтунцяном и мной. Письмо вышло в "Азге", "Голосе Армении" и "Айоц ашхаре".

Вскоре "Азг" опубликовал Открытое письмо, адресованное моей скромной персоне. Автор его, представлявший кафедру истории Армении ЕрГУ, откровенно презрев суть и смысл нашего (и не только нашего) отклика, решил публично дать урок терминологии относительно "системных" и "абсолютно строгих различий" между понятиями "историческая наука"/"история" и "историография". Не желая вступать в дебаты, хотелось бы отослать автора Открытого письма к энциклопедическим изданиям, в которых говорится, что историография - не только "наука о развитии исторических знаний и методов исторических исследований", но и "совокупность исторических сочинений, скажем, историография советского периода, историография Киевского государства". Более лаконичен "Новейший словарь иностранных слов и выражений": "Историография - наука, изучающая развитие исторических знаний, иногда практически то же самое, что история". Подчеркнуто мной вовсе не для того, чтобы, как говорится, "уколоть" моего (нашего) оппонента в связи с его "системными" и "абсолютно (!? - З. Б.) строгими различиями" между этими самыми двумя понятиями, а чтобы напомнить о главном: разговор у нас ведь о другом, о более серьезном.

Открытое письмо завершается сакраментальной мыслью о том, что адресат, то бишь я, лучше, мол, занялся бы публицистикой, ибо, как утверждает автор, мне "действительно есть что сказать и сказать о многом". Мне остается только выразить свою признательность за совет и впрямь заняться "своей" публицистикой, которая, согласно трактовке все тех же мировых энциклопедических изданий, представляет собой род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества, и которая играет важную политическую и идеологическую роль как средство выражения различных точек зрения общественного мнения. Я постараюсь раскрыть тему исключительно как публицист, видя перед собой читателей, которым не довелось подробно (что очень важно) ознакомиться с волнующим всех нас вопросом. Знакомясь с "делом" Айвазяна, я часто вспоминал довольно известные слова моего учителя, профессора хирургии Рязанского медицинского института Бориса Павловича Кириллова: "Простите за примитивность, но скажу, положи руку на сердце: кандидатская диссертация присуждается соискателю, если он сумел в своей работе доказательно убедить оппонентов, что он может заниматься наукой. А докторская - если объективно рассматривать не только одну лишь

работу, представленную к защите, но и совокупный труд, и ощутимый вклад соискателя в науку" (подчеркнуто мной - З. Б.).

Учитывая концепцию (возможно, спорную для писанных и неписанных канонов ВАКа) хирурга Кириллова, мне хотелось бы представить вниманию читателя выдержки из стенограммы (аудио- и видеозапись), которая велась на всем протяжении защиты диссертации, исключая, конечно, все то, что касается чисто научных споров.

МАНВЕЛ ЗУЛАЛЯН, АКАДЕМИК, ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ: "Армен Мартинович Айвазян известен нашей широкой общественности как автор ряда крайне ценных работ. Об одной из них, об "Истории Армении в освещении американской историографии" я опубликовал рецензию в "Историко-филологическом журнале". Работа очень высокого уровня. И не только эта: я очень высоко оцениваю его диссертационную работу. Айвазян по праву принадлежит к новому поколению молодых историков-специалистов, которым выпала честь играть крупную роль в освещении сложных вопросов, стоящих перед нашей историографией. Айвазян и подобные ему - будущее нашего арменоведения".

ГРАЧИК СИМОНЯН, АКАДЕМИК, ЧЛЕН СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА: "Одной из традиций Института истории было обязательное приглашение автора на обсуждение диссертационной работы, особенно если имелись замечания. Однако в данном случае диссертант даже не был поставлен в известность. Что же касается кафедры истории Армении ЕрГУ, то я опечален представленным ею, я бы сказал, низкопробным отзывом, который не приносит чести ни самой кафедре, ни кому-либо вообще".

Грачик Симонян, прекрасно знающий нехитрую кухню "сотворения" диссертаций, в своем выступлении выразил удивление по поводу, как он выразился, "ударной стахановской работы", которая отразилась в странном для подобного случая счете: 9 "за" и 1 "воздержавшийся". Такова была арифметика отзыва кафедры на диссертационную работу соискателя. Между тем обычно на кафедре представляемую к защите диссертацию читают, как правило, два-три человека. Симонян подчеркивает: "Даже не трое, а двое", добавляя при этом: "Никогда ранее на отзывах, представленных кафедрой, мы никаких цифровых показателей не писали... Прямо этакий "наш ответ Чемберлену". Этакий единодушный, монолитный отзыв, написанный железной дисциплиной. Я проголосую за него, потому что горжусь, что у нас есть такой молодой человек, обладающий такими глубокими познаниями, такой твердой волей. В руках таких людей - будущее нашей историографии".

ВАРДГЕС МИКАЕЛЯН, АКАДЕМИК, ЧЛЕН СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА: "Я знаком с диссертацией. Знаком с авторефератом. И очень высокого мнения о них. Мы

должны уметь ценить наши молодые кадры. И я восхищен, говорю это с чистым сердцем. И не Рональду Григору Сюни решать там (в США. - З. Б.), как здесь должен проголосовать Вардгес Микаелян".

БАБКЕН АРУТЮНЯН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, и. о. ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ АРМЕНИИ ЕГУ, ЧЛЕН СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА: "Вопрос ставится таким образом, будто все, что здесь говорится, связано с выходом в свет некоей другой работы. С самого начала заявляю: эта работа вышла в свет по решению Научного совета факультета истории ЕрГУ, председателем которого был я. И сейчас придерживаюсь того же мнения. Эта работа в качестве диссертации, как компактная работа, намного выше той, которая сегодня представлена диссертантом. Вопрос не о его способностях. Могу объявить всему миру: он полезный человек для нашей республики. Об этом не может быть двух мнений. Однако сегодня речь идет об этой диссертации. Что же касается его способностей, то я могу сказать куда больше: он работал в нашей лаборатории и мне великолепно известны его способности. То, что он очень способный человек, отлично знаю и я, и он сам. Но речь идет в данном случае об этой, а не о какой-то другой работе. Его заслуги велики. Однако речь идет только об этой работе".

МГЕР КАРАПЕТЯН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ АРМЕНИИ ЕрПУ, ЧЛЕН СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА: "Я как член совета внимательно прочитал и автореферат, и представленную к защите книгу. Не скрою, что мне и, вероятно, всем нам хорошо были известны кое-какие тенденциозные мнения. И поэтому решил, что буду внимательно следить за ходом защиты диссертации. Диссертант на меня произвел блестящее впечатление. Его возражения в своем большинстве были обоснованы. В ходе всего процесса защиты он показал, что в полной мере заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук, ибо мы имеем дело с безусловно состоявшимся блестящим ученым".

АШОТ МЕЛКОНЯН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЧЛЕН СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА: "Мы с Арменом Айвазяном дружили. Были близки. Во многих вопросах мы единомышленники. Я ему много раз говорил: "Браво за ту чудесную работу об американской историографии. У меня есть деловое предложение: думаю, каковыми бы ни были итоги голосования, в создавшейся ситуации они будут выглядеть необъективными. А посему есть смысл найти модус для отсрочки голосования".

ЛИЛИТ АРЗУМАНЯН, ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РА: "Я ровно десять

лет являюсь заместителем председателя ВАКа. Эта защита была на удивление великолепной. Ибо впервые были высказаны противоположные мнения, и впервые я увидела защиту, о которой мы всегда могли только мечтать".

ВЛАДИМИР КАЗАХЕЦЯН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЧЛЕН СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВЕТА: "Руководствуясь тем, что хорошо ознакомился с авторефератом, а также тем, что внимательно следил за ходом защиты, могу сказать, что получил великолепное впечатление. Что касается отрицательных отзывов, то в них я не обнаружил серьезных научных замечаний: "объем - мал", "структура - не та". Перед нами зрелый ученый, за которого я готов голосовать, как говорится, обеими руками.

"

СЕН АРЕВШАТЯН, АКАДЕМИК: "Очень меткой была мысль Лилит Арзуманян о том, что это была "настоящая защита" уже зрелого ученого, зрелого доктора наук".

Директор Матенадарана, на базе которого готовилась диссертация, тонко использовал прямой смысл слова "защита", заметив, что это была настоящая защита от "выдвинутых возражений, критических замечаний и прочего". Он также напомнил, что в Матенадаране работа Айвазяна была обсуждена и проработана при непосредственном участии доктора исторических наук Вардана Григоряна, который является известным специалистом именно по этому периоду.

Когда я смотрел около четырех часов видеозапись защиты (это очень интересный и поучительный исторический документ), то обратил особое внимание на выступление академика Аревшатяна. Вслушиваясь в его тихий голос, ловил себя на мысли, что чувствую какую-то неловкость за безмерно уважаемого мной человека. Как и все люди такого плана, он, чистый в своих помыслах и мыслях, был слишком уж наивным. Информировав спецсовет о том, что работа была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании отдела Э. Багдасаряна, где ей была дана объективная оценка, Аревшатян сказал: "Я очень рад, что наша оценка полностью совпадает с оценками и рекомендацией официальных оппонентов. Следует доверять этим отзывам и руководствоваться ими. Я думаю, что члены спецсовета правильно сориентируются и присудят ему ученую степень доктора исторических наук (!? - З. Б.), ибо речь идет об одаренном человеке, развернувшем целеустремленную научную деятельность".

Интересно знать, почему автор Открытого письма, адресованного мне, не обвинил, скажем, ученого-физика, академика Рафаеля Казаряна в том, что он, вместо того чтобы заниматься своей физикой, позволил себе выступить на спецсовете, где обсуждаются проблемы историографии, а не физики. Рафаель Казарян, равно как и все те, кто впоследствии откликнулся на провал защиты диссертации Армена Айвазяна, и впрямь

говорили не об исторической науке как таковой, не о нюансах дискуссии. Он говорил о морали: "Я прошу членов совета встать выше всяких субъективных моментов, выше каких-то возможных "заказов" и голосовать по велению совести". И добавил: "Я 30-40 лет работаю в научных советах по защите (диссертаций) в областях физики и инженерии и высокомерно, как это свойственно физикам, был уверен, что точными науками являются только лишь физика, техника и т. п. Сегодня Армен меня убедил в том, что история является точной наукой, совершенно точной наукой".

Я не считаю нужным приводить здесь аргументы "за" и "против", прозвучавшие на заседании. Не хочу цитировать тексты официальных рекомендаций и отзывов. Напомню лишь, что последним выступил сам ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СПЕЦСОВЕТА, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ-УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ АКАДЕМИИ НАУК, АКАДЕМИК ВЛАДИМИР БАРХУДАРЯН. Приведу фрагменты его выступления, в которых четко звучит оценка персоны Айвазяна как ученого: "Для нас важнее всего тот молодой человек, кем является Армен (подчеркнуто мной. - З. Б.). Он - будущее нашей истории. Прочитав его книгу (об американской арменологии), я пригласил его и сказал: "Очень хорошая книга. Очень талантливая книга. И я всегда, насколько смогу, буду защищать вас". С другой стороны, посмотрите, в какое затруднительное положение нас поставил товарищ Айвазян. Он скрупулезно исследовал источники. Блестяще знает литературу. Блестящее знание языков. Хороший аналитик. Одаренный молодой человек. То есть мое мнение следующее: представленная работа не соответствует его способностям. Представлена слабая работа. С одной стороны, работа слабая, с другой стороны, он полностью заслуживает докторской степени. Я не сомневаюсь в этом. В самом деле - одаренный научный сотрудник". В самом конце выступления председатель спецсовета подчеркнул тот факт, что не согласен с некоторыми замечаниями, предъявленными диссертанту, и предложил, как и академик Казарян, голосовать по велению совести.

Проголосовали. 7 - "за", 8 - "против", 3 бюллетеня оказались недействительными. Кстати, не очень понятно в данном конкретном случае, когда голосуют всего-то 18 человек, как это три бюллетеня (а это около 17% от общего числа) вдруг оказались недействительными.

Вот и вся арифметика. словно ничего необычного и не случилось. А ведь случилось. Случилось невероятное. Случилось то, что человечество не раз переживало с древности. Еще в Древнем Риме деятели права и философы требовали строго соблюдать принцип "аргументум ад хоминэм", прекрасно зная о том, какие печальные бывают последствия, когда вместо фактов и суждений, приводимых в качестве доказательства, "переходят на личность". В случае с Арменом Айвазяном мы видим, что дело не столько в самой диссертации, сколько в самой его личности. Ведь о защите не было ни слуху ни духу, когда, как уже было сказано, его просто не допустили

до упомянутого арменоведческого форума, на который, судя по логике вещей, по всем высказываниям, оценкам, эпитетам, прозвучавшим и "нашими", и "вашими" в ходе защиты, в обязательном порядке должен был быть приглашен "талантливый", "одаренный", "пытливый", "серьезный", "яркий", "блестящий" арменовед, признанный многими авторитетными учеными-специалистами как "будущее армянской историографии". Более того, в печати прозвучали высказывания директора Института истории Академии наук Армении А. Мелконяна, а также академиков В. Бархударяна и Г. Симоняна о том, что "среди причин созыва этого форума следует искать и выход в свет работ А. Айвазяна".

В ходе защиты, как мы заметили, у некоторых оппонентов рефреном звучала мысль о том, что "та" его книга талантливая, достойная докторской, смелая, а вот "эта" - слабая и вообще недостойная дарования автора. А вот это уже от лукавого. Не позволяя себе влезать в научные дебри (хотя я, как говорится, с карандашом в руках читал книгу "Армянская церковь на перепутьях армянского освободительного движения в XVIII веке", которая, кстати, выпущена не только для "узких" специалистов), скажу, что на защите, по мнению многих ученых, практически не прозвучали сколько-нибудь серьезные, принципиальные возражения и замечания в адрес соискателя.

В этой связи хотелось бы обратить внимание читателя на одну просто-таки убийственную деталь. Сотрудник кафедры истории Армении ЕрГУ пишет, используя довольно странный для подобного случая эпистолярный жанр, и в своем Открытом письме, как отмечалось выше, поднимает вселенский шум вокруг терминов "история" и "историография", громко заявляет о том, что наша "историография находится в надежных руках", но при этом обходит молчанием публикацию Левона Микаеляна, который за неделю до этого писал в "Голосе Армении": "Организованно проваленная защита взорвала ту лицемерную и по сути губительную для дальнейшего развития нашей историографической науки атмосферу внешнего благополучия и согласия, которую, в частности, тщетно пытались продемонстрировать миру во время прошедшего в сентябре текущего (2003 - 3. Б.) года Первого всемирного конгресса арменоведов его организаторы".

А ведь основание для этого страшного обвинения дает автору "Голоса Армении" сам Айвазян. Прочитав статью "Спецзаказ для Спецсовета", я достал с полки книгу Армена Айвазяна "Освещение истории Армении в американской историографии (критический обзор)". Ту самую книгу, которую так вздох хвалили и соратники, и противники диссертанта во время защиты. И уже на первой странице читаю: "У меня много друзей американцев, которых я уважаю и люблю. Стало быть, в этой работе, имеющей острую критическую направленность, не стоит искать примитивных антиамериканских мотивов. Таковых нет. Нами двигало только искреннее стремление защитить науку и истину, а исследование привело нас к твердому убеждению, что проблемы и будущее

американского (и вообще зарубежного) арменоведения более всего зависят от уровня арменоведения в самой Армении и его будущего, находящегося ныне под угрозой.(подчеркнуто мной. - З. Б.).

Итак, Армен черным по белому пишет о том, что судьба отечественного арменоведения находится под угрозой. В своей книге Айвазян ставит вопрос: "Какие же причины помешали отечественным арменоведам своевременно заметить и воспрепятствовать растущим на Западе тенденциям искажения истории Армении?". И сам же отвечает на него, приводя целую прорву причин-факторов, которые пагубно влияли на развитие арменоведения, начиная с конца XIX века по сегодняшний день. Это и укоренившееся "некритическое отношение к западному арменоведению", и языковой барьер "советской армянской научно-исторической школы", и "естественный страх перед обвинением в национализме". И тот факт, что долгое время в нашей стране "игнорировались" историческая наука и теория, имеющие политологическую направленность". Это и то, что "западная арменистика" осуществляет поставленные перед ней задачи не с турецко-азербайджанской вульгарной грубостью, а намного тоньше, внешне демонстрируя научный педантизм и академизм. Такого рода фальсификации не бросаются в глаза, сравнительно трудно заметны, следовательно - более опасны". В своей книге Армен Айвазян разоблачает некоторых западных, в особенности американских арменоведов, которые, традиционно ничего не боясь, давно уже опошлили и осквернили историю армянского народа. Многие из них выступают в двух ипостасях - историков и идеологов. И это, наверное, тот случай, когда говорят, что "историки фальсифицируют прошлое, идеологи - будущее". Чего стоит циничное признание автора пасквиля "Взгляд на Арарат: Армения в новой истории" Рональда Григора Сюни (это о нем не без иронии высказался на защите диссертации академик Вардгес Микаелян) о том, что его цель - расшатать "основу политической идеологии армянских политических националистов, утверждающих древнее происхождение и непрерывное существование армянского народа как исторического этноса, зародившегося на Армянском нагорье, что дает им право претендовать на самоопределение, (собственную) государственность, а также узаконивает исторически освященные претензии на территории, составляющие Армению".

Напомним, что книга Сюни вышла в США в 1993 году, когда в навязанной Азербайджаном Арцахской отечественной войне армянский народ ценой огромных потерь защищал свою возрожденную государственность. И именно с тех пор с невероятной активностью многие западные, повторяю, особенно американские арменоведы и кавказоведы из кожи вон лезут, дабы "показать" миру, что "древними предками азербайджанцев были албанцы", которые и построили храм Гандзасар"; что Армения - это всего лишь "некое географическое воспоминание" на географической карте "без политических границ"; что ни Хоренаци, ни Егише не являются историками как таковыми; что никогда армянин не боролся за свое освобождение. Обо всем этом

обстоятельно пишет в своем "критическом обзоре" Армен Айвазян, которого так горячо хвалили именно за эту работу.

Так почему же сегодня, когда роль исторической науки, особенно историографии, необходимо приравнять к мощному оружию, к сухому пороху, вместо того, чтобы, как пишет академик Тер-Степанян, сплоченно, объединенными усилиями дать бой фальсификаторам истории Армении и армянского народа, мы молчим? Если не прав Айвазян, тогда как понять то, что, по словам профессора Бабкена Арутюняна, работа "очень способного человека" вышла в свет "по решению научного совета", возглавляемого им самим? Как понять слова Владимира Бархударяна о том, что "хороший аналитик, одаренный молодой человек" написал "очень хорошую книгу, очень талантливую книгу"? Как, наконец, понять и то, что, по мнению председателя спецсовета, даже та научная работа Айвазяна, которая была отвергнута голосованием во время защиты, достойна того, чтобы "одаренный научный сотрудник" получил ученую степень доктора наук? Если же прав молодой историк, тогда зачем весь этот сыр-бор?

Судьбу диссертации Айвазяна, которая на финише минувшего года взбудоражила общество, не нам решать. Для этого есть Высшая аттестационная комиссия. Я вообще не думаю, что вопрос присуждения ученой степени доктора исторических наук соискателю напумевшей диссертации (точнее, речь идет о напумевшей защите диссертации) сегодня главный. Этот конкретный вопрос для меня не очень принципиальный. Он, скорее, из разряда АМБИЦИЙ. Не каждый ведь может уподобиться выдающемуся русскому поэту и энциклопедисту Василию Андреевичу Жуковскому, который, обнаружив бесспорный талант в молодом Пушкине, подарил тому свой портрет с надписью "Победителю ученику от побежденного учителя" и тем остался в благодарной памяти потомков. Я, конечно, понимаю, пример не очень корректный, ибо Жуковский до того, как проповедовать романтизм, был апологетом сентиментализма. У нас же на дворе другой век. Век не только прагматичный, жесткий, но и жестокий. И ситуация, в которой находится наш народ, - тому подтверждение. Ситуация, когда из всех наук, пожалуй, самой важной и самой востребованной в стратегическом смысле этих понятий является история. Та самая история, о которой писал французский историк Амабль Барант, упреждая беду, которая надвигалась на его родину: "История не должна унижать себя до того, чтобы сделаться отголоском современной вражды и злопамятств".

Труды молодого историка Армена Айвазяна (и не только его) открывают нам глаза на то, что в сегодняшнем непростом состоянии "ни войны, ни мира" в довершение ко всему нам объявлена война еще и историографическая. Вспомним часто цитируемую мысль Отто фон Бисмарка: "Франко-прусскую войну выиграл сельский учитель". Как известно из биографии первого канцлера Германии, речь шла в первую голову об "учителе истории".

Кажется, мы так и не осознали еще, что обрели наконец независимость, государственность, став свободным народом. Кажется, мы уже забыли, что в мире злословью подвергаются только жертвы. И часто о нас злословят потому, что по инерции считают жертвой. И происходит это, да простят наши уважаемые историки, и по их вине тоже. Сегодня, как сказал Дюма-отец, историк не может быть только "властелином минувших эпох". Не мною сказано, что все устремления историков в годы лихолетья должны быть, как это ни парадоксально, направлены в будущее. Говорят, история свободных народов - вот единственный предмет, достойный внимания историка. По крайней мере, мы в нашей многотрудной общенациональной биографии не раз убеждались, что правы исследователи, которые считают, что история народов, угнетенных деспотами, - это всего лишь сборник анекдотов. В этом мы убеждаемся, знакомясь с опусами турецких и протурецких "историков" и "историографов".

Трудно спорить с тонкой иронией Антона Чехова, как-то заметившего, что "не бывает национальной таблицы умножения". Но вот что касается истории и историографии, то тут мы имеем дело, бесспорно, с понятиями суть национальными, подобно такой отрасли науки, как стратегия и тактика. И тот, кто впервые сказал, что война - слишком серьезное и судьбоносное дело, чтобы полностью доверять ее генералам, тот, разумеется, ничуть не оскорбил ученых-стратегов и практиков-полководцев. То же самое можно говорить об истории и историографии, судьбы которых нельзя полностью и бесконтрольно передоверять узким специалистам. Правда, эта мысль уже прозвучала в откликах на проваленную защиту диссертации Армена Айвазяна. Хотя, уверен, это тот случай, когда повтор нельзя воспринимать как литературный криминал.

Великий французский просветитель, правовед и философ Шарль Луи Монтескье, анализируя различные формы государства и менталитет народов, вывел удивительную формулу: "Счастлив народ, история которого скучна". Говорят, через день, прочитав эту свою запись, философ добавил: "Но для этого нужно, чтобы не скучали сами историки, находясь всегда в дозоре на переднем крае".

Зорий БАЛАЯН